

Д. Д. ШАМРАЙ

«ВСЕНАРОДНЫЙ ТЕАТР» АКАДЕМИЧЕСКИХ НАБОРЩИКОВ 1765—1766 ГОДОВ

«Всенародный театр», просуществовавший очень короткое время, давно уже упоминается в истории русского театра XVIII века. Однако до сих пор ему не было посвящено ни одной специальной работы.

В настоящем сообщении мы сводим воедино печатные свидетельства современников этого явления русской народной самодетельности и присоединяем к ним несколько архивных документов, уточняющих его историю.

Наиболее ранние сведения о «Всенародном театре» содержат «Записки» Семена Порошина. Здесь находятся следующие чрезвычайно важные свидетельства о публичных выступлениях «Всенародного театра», записанные непосредственно во время его деятельности.

5 апреля 1765 года. На комедии народной был.

5 апреля. Никита Иванович <Панин> у брата обедал, после обеда приехал и поехали с цесаревичем гулять. Были на публичной комедии. Описание оной комедии. Денег дали.

8 апреля. Государыня сегодня на публичной комедии быть изволила, верхом, в мундире конной гвардии. Пожаловала денег.

10 апреля. Обедали у нас Петр Иванович <Панин>, г. Сальдерн и Круз. <Говорили>, что на спектакле народ тих и не пьян. Рефлексия, что народ у нас исправляется, да мы не исправляемся.¹

Таким образом, в кругах Паниных в этом театре усматривалось интересное и новое явление, ценили его культурно-оздоровительное влияние на народные массы и относились к нему на первых порах, как будто, благосклонно.

Сведения о «Всенародном театре» имеются также у академика Штелина. Я. Я. Штелин, наблюдательный, но сдержанный

¹ Семена Порошина Записки. СПб., 1881, стлб. 302 и 304.

иностранец, близкий к придворным кругам и способствовавший развитию в России придворно-парадного западноевропейского искусства, не счел возможным в своем историческом очерке, посвященном театральной жизни современной ему России (1769), совершенно умолчать о народном театре. Вот что он пишет: «На пасхальной неделе 1765 года был устроен довольно вульгарный русский театр на Брумбергском лесном дворе на Мойке. Ежедневно в 4 часа пополудни неизвестно откуда появившаяся труппа русских актеров разыгрывала под открытым небом комедии. Более обширный партер не так легко где-либо увидеть, потому что он состоял из целой площади или пустого поля и штабелей досок, на котором сновала чернь, для которой, в сущности говоря, и был устроен этот театр щедротами императрицы. Между тем недостатка не было и в благородных зрителях и зрительницах, стеснявших широкий партер своими шестиконными упряжками и богатыми колясками. Полиция имела надзор за этим открытым театром; каждый комедиант получал за участие в спектаклях вознаграждение от полиции в размере 50 коп. Комедиантами были печатники, переплетчики и другие ученики-ремесленники, которые накануне вечером уславливались относительно предназначенной комедии».²

Вполне возможно, что Штелин знал о «Всенародном театре» больше того, что было им напечатано; вообще он неоднократно замалчивал то, чего не мог не знать о разных лицах и событиях. В частности, Штелин не говорит о том, когда и почему этот театр прекратил свои публичные выступления.

В своих «Сочинениях и переводах» (1765) В. И. Лукин сохранил яркие подробности об организации «Всенародного театра», о вкусах зрителей, репертуаре, главных лицах комедиантской труппы; он искренне радовался успехам этого театра и ожидал, что сами зрители, в конце концов, дадут комедийных писателей специально для всенародной сцены, чем подчеркнул ее иную природу и качество сравнительно с Российским придворным театром.

Но все это Лукин сообщил нам не в форме точной историко-театральной справки, а использовав литературный прием рассказа о виденном сне.³ Лукин указывает, что театр «сделан на

² Перевод Р. М. Тонковой из рукописной ее работы 1940 года, посвященной источникам для истории русского театра. Ср.: «С.-Петербургский вестник», 1779, ч. 4, стр. 172; перепечатано в «Музыкальной старине» (вып. III и IV, СПб., 1907, стр. 23).

³ Сочинения и переводы Владимира Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова. С портретом Ельчанинова и со статьей о Лукине А. Н. Пыпина. (Редакция изд. П. А. Ефремова). СПб., 1868, стр. 183—191. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте).

пустыре за Малую Морскую». В данном случае речь шла не об улице Малой Морской, а о Малой Морской слободе. Историк Петербурга П. Н. Петров указывает, что на пространстве между Невой и Мойкой было два рынка: 1) Невенский рынок, в конце Галерной улицы (ныне Красная улица) и 2) Морской рынок, между Большой и Малой Морскими слободами, по левой стороне Невского. Об этом рынке также известно, что он был любимым местом кулачных боев. Я. Штелин определяет место спектаклей «Всенародного театра» по-иному, исходя из других топографических признаков, а именно: называет «Брумбергову площадь близ Мойки».⁴ Между указанием Лукина и Штелина расхождений нет. Возникшие по планировке 1738 года улицы Большая Морская и Малая Морская застраивались медленно, особенно Малая Морская, потому что вообще в этом районе больше не дозволялось возводить деревянных построек жилого назначения. План Петербурга работы Трускота—Соколова—Махаева показывает на всем пространстве от Мойки до Невы много свободных площадей.⁵

Устроить там величайший, по выражению Штелина, во всей Европе партер «Всенародного театра» было совсем незатруднительно. Указанное место, вследствие соседства с Торговой площадью, а также и потому, что лежавшие на Брумберговой площади штабели досок могли быть использованы в качестве сидений без специальной постройки мест для зрителей, было выбрано для устройства культурного народного развлечения. Район Мойки и Морской улицы издавна имел репутацию традиционного места немецких и русской комедий. Правда, в это время уже обозначился и второй пункт различных зрелищ для народа возле церкви Николы Морского. Во всяком случае, именно в этот район в 1766 году Екатерина II приказала перебросить построенное против Зимнего дворца и отслужившее свою службу здание каруселя⁶ (карусель состоялся в июне 1766 года). Скопление народа больше всего было, конечно, между Синим мостом и Адмиралтейской усадьбой. Достаточно

⁴ Семен Брумберг — голландский купец, владевший домами в Провиантской, Малой и Большой Морской улицах, канатным заводом в 18 верстах от Петербурга и лесопильным амбаром в 12 верстах по Неве. Он умер в 1769 году, и все его имущество поступило в казну для покрытия долгов.

⁵ План столичного города С.-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изд. трудами императорской Академии наук и художеств. СПб., 1753.

⁶ П. Н. Петров. История Санктпетербурга. СПб., 1884, стр. 715. В прибавлениях к № 41 «СПб. ведомостей» от 21 мая 1770 года напечатано торговое объявление: «По Мойке близ Морской церкви против каруселя».

указать, что в 1737 году на Адмиралтейский остров приходилось 33% кабаков и вольных домов с пригожими хозяйками или наймичками.⁷ Несколько позже, когда решили уменьшить сеть кабаков и питейных домов до 70 (вместо 170), то на Адмиралтейский остров определили 23 точки. К постоянному петербургскому населению с открытием навигации приливало очень значительное количество сезонных жителей; так, например, в 1764 году прибыло в Петербург с различными грузами 4129 судов и 6798 плотов. Сюда-то, в наиболее популярное место веселящегося народа, и явились из Василеостровского предместья народные артисты для устройства своих спектаклей вдобавок к обычным развлечениям простого народа на пасхальной неделе 1765 года. Само собой разумеется, что они не были новичками этого дела.

Лукин рассказывает, что ему приснилось, будто, как только он отворил дверь в артистическую комнату, то увидел между прочими комедиантами одного наборщика академической типографии, из тех, которые набирают его переводы. Сохранившие документы позволяют уточнить его слова:

1) «с 1 ноября 1764 года по 1 января 1765 года в должности фактора наборщиком Петром Сидоровым с наборщиком Алексеем Севериковым и одним учеником в числе прочего всего набрано „Забавной повести о двух турках“ 3 листа»;

2) «с 1 января по 1 марта 1765 года этими же наборщиками с двумя учениками в числе всего прочего набрано „Приключения маркиза Г***“ шестой части 1 лист»;

3) «с 1 марта по 1 мая 1765 года одним наборщиком Алексеем Севериковым набрано „Маркиза“ шестой части 7 листов»;

4) «с 1 мая по 1 июня 1765 года одним только наборщиком Севериковым набрано „Маркиза“ 5½ листов».⁸

Значит, «во сне» Лукин увидел наборщика А. Северикова, который, однако, сказав о себе самом, что он «имеет честь быть при кватре суфлером», «а в роли комедиальные и артемедии не вмешивается», направил Лукина к медиатору, т. е. начальнику комедиантов (стр. 187).

Медиатором («режиссером») оказался тоже наборщик и из той же типографии. «Он был тот самый, который первые играет лица и который больше всех способностей имеет. Я не могу, — продолжает Лукин, — приветливостью его довольно нахвалиться. Он, выдав в типографии, весьма снисходительно со

⁷ Записки Винского. «Русский Архив», 1877, ч. I, стр. 85.

⁸ ААН, ф. 3, оп. 4, д. 17. Имеются в виду переводы Лукина: «Повесть забавная о двух турках в бытность их во Франции», чч. I, II; «Приключения маркиза Г***, или жизнь благородного человека, оставившего свет».

мною обошелся, и я увидел, что не надменен он мнимым своим достоинством, подобно некоторым из чужих краев выезжающим актерам; не было в нем и виду излишнего унижения, подлыми низкопоклонниками и гнусными такальщиками для прикрытия их поносных желаний употребляемого» (стр. 187). Имя и фамилия медиатора Константина Борисова устанавливаются из приводимых далее документов, относящихся к сезону 1766 года.

Оба известных нам по фамилиям актера «Всенародного театра» — Борисов и Севериков — принадлежат ко второму поколению наборщиков Академической типографии, почти сплошь состоявшему из солдатских и матросских детей. Предварительно они учились некоторое время в Академической гимназии, куда их принимали на казенный кошт уже с достаточным умением читать и писать по-русски. В самой Академической гимназии русскому языку совсем не обучали, а подавляющее большинство учащихся свои знания по этому предмету получало в школьной сети гвардейских полков и адмиралтейства. Так, при рекомендации одного мальчишка к поступлению в Академическую гимназию подписались два лица — «адмиралтейской надцифирной и русской школ поручик Федор Стерлегов» и «адмиралтейского ведения цифирной школы учитель рангу прапорщичьего Иван Дьяконов».⁹

Борисов в феврале 1755 года был откомандирован из гимназии в типографию для обучения наборному художеству в числе шести юношей, «кои к наукам неспособны».¹⁰ Однако все шестеро «знали» читать и писать латинские и немецкие тексты. А в октябре 1757 года фактор типографии Розе ввиду недостаточного количества наборщиков просил выбрать из гимназии десять учеников, которые бы по крайней мере могли читать и писать по-латыни, по-французски и по-немецки. Академическая канцелярия определила «выбрать из гимназистов 10 человек, таких, кои, по учительским аттестатам, к наукам дальнего понятия не имеют». В числе этих десяти оказался Севериков, поступивший в гимназию еще в ноябре 1754 года. К моменту откомандирования в типографию Севериков в латинском языке учил третье склонение, а в арифметике — извлечение квадратного радикала.¹¹ Обучение в гимназии матросских и солдатских детей протекало очень медленно и с большими трудностями. Например, направленные в гимназию от Конюшенной конторы в 1748 году получили в апреле 1755 года такую офи-

⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, д. 233, л. 2.

¹⁰ Там же, д. 196, лл. 338 и 339.

¹¹ Там же, д. 227, лл. 6—9.

циальную аттестацию: «Иван Петров твердит латинскую грамматику, в Целлярии выучил 126 страниц, Геометрию прошел больше одного разу; Степан Морозов твердит латинскую грамматику, в Целлярии выучил 116 страниц; а Сафайлов Андрей тоже твердит латинскую грамматику, но в Целлярии выучил 228 страниц».¹²

Через четыре года, в июне 1759 года, наборщик ученик Константин Борисов был выделен для обучения ориентальным языкам. О том, каковы были успехи Борисова в турецком языке, нам сведений не попадалось.

Борисов и Севериков должны были прилежно читать русские книги и самостоятельно заниматься русской грамматикой, если хотели стать академическими наборщиками, ибо в Инструкции 28 ноября 1760 года говорилось: «... правильную орфографию всякий наборщик знать должен, а без того и наборщиком быть недостоин».¹³ Рабочие академической типографии были в то время людьми достаточно культурными.

В свете требований, предъявлявшихся к академическим наборщикам, можно в некоторых случаях рассматривать встречающиеся у них опечатки как преднамеренные. В № 94 «СПб. ведомостей» от 24 ноября 1760 года в отделе объявлений было напечатано: «На Адмиралтейской стороне на Мье реке в доме действительного тайного советника, действительного камердинера сенатора кавалера графа Петра Григорьевича Чернышева продается карета, лошади цуговые и шоры». Надо думать, что это была не механическая ошибка, а смелая насмешка над камергером Чернышевым. В архивном деле сообщается, что об этой грубой ошибке принесена была жестокая «жалоба» и что корректор Барсов был арестован, написан в копиисты и оштрафован вычетом жалованья за один месяц.¹⁴

По счастливой случайности до нас дошло документальное свидетельство о более ранних отношениях Борисова к народным «игрищам». Присланная в Академию наук в 1760 году из Главной полицеймейстерской канцелярии промемория содержит следующие сведения: «... а допросом он, Борисов, в Главной полиции, между прочим, показал <что> означенного де калмыка Василия Андреева знать он Борисов, стал прошлого 1759 года с праздника рождества христового по случаю такому, что жил он, Борисов, тогда в Артиллерийских слободах у артиллерийского чеканщика Василия Крылкина, и тогда де оной Андреев обще

¹² Там же, д. 197, л. 304.

¹³ Там же, д. 257, л. 260, § 12.

¹⁴ Там же, д. 236, лл. 264—269.

с турчанином Александровым к нему, Крылкину, прихаживал на игрища».¹⁵

Среди младших сотрудников Академии наук еще находился человек, имевший тесное отношение к театральному делу в России. Это — Захар Гаврилович Кирмов. Академик Штелин давал о нем такой отзыв в 1764 году: «Ученик Захар, Гаврилов сын, Кирмов, обучаясь несколько лет, весьма успел в живописном художестве, так что разные исторические штуки с итальянских оригиналов в живописном департаменте копировал нарочито и с прилежанием. Но, как он оказывал всегда более охоты к театральной, нежели к исторической или другой какой части живописного художества, — и уже преж сего немало под смотрением г-на Градица делал в Ораниенбауме театральные декорации, а при Академии такой работы не случается, а почти во весь год продолжается оная при придворном театре, чего ради и отпустить от Академии».¹⁶

Возможно, декорации во «Всенародном театре» изготовлял именно З. Г. Кирмов.

Для организации «Всенародного театра» имело большое значение то обстоятельство, что рабочие Академической типографии жили довольно дружно. Сплочению их содействовал и § 1 инструкции от 28 ноября 1760 года, согласно которому наборщики и тередорщики новой Академической типографии должны были все до единого поселиться на Васильевском острове.¹⁷

Повседневный трудовой режим академических наборщиков, батыщиков, тередорщиков, истопников и сторожей находился в полной зависимости от Академической канцелярии, которая лишь в 1755 году перестала покупать людей для пополнения кадров рабочих. Формально все состоявшие на академической службе не подлежали общему гражданскому суду. За все их поступки на службе и в быту налагала наказания сама Академическая канцелярия. В документах 1760-х годов очень часто говорится о денежных штрафах, о нещадном битье батогами, кошками и кнутом, о заковывании в железо (в распоряжении Академии было 4 замковых комплекта) впредь до выполнения положенной работы и об отдаче в солдаты с написанием в полки отдаленных районов для предотвращения всякой возможности

¹⁵ Там же, д. 253, л. 6 об. Борисов привлекался к делу в качестве свидетеля.

¹⁶ Там же, д. 285, л. 370—371.

¹⁷ Там же, д. 257, л. 258. — Новая Академическая типография помещалась в д. № 2 по 7-й линии, уг. Невской набережной (где и ныне находится академический дом). Старая — в прежнем здании Академии наук, бывшем дворце царицы Прасковии Федоровны (нынешнее здание Института антропологии и этнографии). — *Прим. Ред.*

мстить. Это был тот же режим, который существовал тогда в крепостной деревне и проводился по бесконтрольному усмотрению помещика.

Однако возвратимся к характеристике постановок на сцене «Всенародного театра». Так называемая «Хроника русского театра Носова», требующая к себе очень осторожного отношения,¹⁸ знает о постановках на Брумбергской площади; не приводя названия ни одной пьесы, она ограничивается совершенно общим выражением: «пустельги» или «разные пустельги», т. е. шуточные фарсы. Такие «пустельги», якобы ставившиеся по воскресным дням и праздникам, указаны под 21 и 28 мая, а также 4, 12, 18 и 25 июня 1763 года.¹⁹ Однако если бы в 1765 году никаких серьезных изменений в репертуаре безыменных комедиантов и в самых постановках не было, то в таком случае было бы совершенно необъяснимо, почему у Екатерины II возник интерес ко «Всенародному театру» только в 1765 году и почему Штелин совсем ничего не говорит о представлениях 1763 года. Следовательно, данные «Хроники» Носова и в настоящем случае не точны; о представлениях 1765—1766 годов в ней не сказано ничего.

Лукин сохранил сведения о том, что считали сами зрители основным в постановках «Всенародного театра», чего они с нетерпением ожидали. Он приводит свой разговор с одним мастером: «Да, дорогой наш милостивец, я тоже слышал, что станут выкидываться на представленном киастре ориентальные французские шутки, на наши русские манеры обделанные, и сам медиатор мне предположительно божился, что очень много проказного увидим» (стр. 185).

В «Толковом словаре» Даля под словом «проказить и проказничать» стоит длинный ряд синонимических обозначений, сводящихся в основном к обозначению определенных действий. Ведь и собеседник Лукина ожидал шутки не слышать, а видеть. Возможно, гвоздь спектаклей составляли не слова, а движения, действия. В судебно-следственных процессах Синода о волшебствах за годы екатерининского царствования встречаются выражения вроде того, что невидимый дух говорит человеческим голосом и проказит, передвигая разные вещи с одного места на другое. Несколько раньше в официальных донесениях коменданта Шлиссельбургской крепости к Елизавете Петровне сообщалось, что заключенный Иоанн VI угрожает вилкой и «другие

¹⁸ П. Н. Берков. «Хроника русского театра» Ив. Носова. «Ученые записки Инст. им. Герцена», т. 67, 1948.

¹⁹ «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских», ч. III, СПб., 1883, стр. 239, 240, 244, 245.

проказы делает». Может быть, в театре академических наборщиков были также и пантомимы. Общая характеристика зрителями постановок труппы из академических наборщиков тоже подчеркивает динамичность спектаклей: «...на киастре балет выкидывают и ломаются». Но из рассказа Лукина следует заключить, что все-таки у медиатора была в письменном виде канва постановки.

В репертуар академических наборщиков, как о нем сообщает Лукин, входило пять постановок, сохраняющих названия западноевропейских драматических произведений: «Скупой» и «Лекарь поневоле» Мольера, «Гейнрих и Пернилла» Гольберга, «Новоприезжие» Леграна и «Привидение с барабаном» Детуша; шестая носила название «Чадолюбие», совпадающее с заглавием одноименной комедии А. А. Волкова.

Из всего того, что нам известно о «Всенародном театре», никак нельзя полагать, что его репертуар просто повторял репертуар дворянского театра. Из прямых и точных слов Лукина явствует, что медиатор предлагал широкому зрителю совершенно понятный ему материал, освобожденный от всего чуждого, переработанный до неузнаваемости и несопоставимости с оригиналом. В особенности доказательны в этом отношении слова мастерового, собеседника Лукина, приведенные выше, о том, что будут представлены «ориентальные французские штуки, на наши русские манеры обделанные».

Несомненно, тексты этих переделанных пьес проходили обычную для народных публичных театров цензуру полиции, как это известно о московских «русских комедиях» того же времени. В приведенной выше выдержке из Штелина отмечено, что «Всенародный театр» находился под надзором полиции, однако архивных данных об этом не сохранилось.

Как Порошин и Лукин, так и Штелин говорили о «Всенародном театре», как о существовавшем только в 1765 году. Между тем в Архиве Академии наук сохранились сведения о приготовлениях «Всенародного театра» к сезону следующего 1766 года. Этот материал мы приводим полностью, так как никаких других официальных документов об этом театре до нас не дошло.

Промемория

Из Главной полицеймейстерской канцелярии в Канцелярию Академии наук

По именному ея императорского величества указу повелено для народного увеселения быть в Санктпетербурге публичной комедии на Адмиралтейской части и для производства тех комедий, в главной полиции явился

ведомства Канцелярии Академии наук наборщик Константин Борисов с товарищи и объявили, что они в свободные от работ дни те комедии производить желают, точно без позволения команды вступить в то не смеет, — того ради по указу ея императорского величества в главной полицеймейстерской канцелярии определено:

в Канцелярию Академии наук послать промеморию и требовать, чтобы соблаговолено было предписанному наборщику Борисову и его товарищам в производстве тех комедий в свободные от работ, как то воскресные и праздничные дни, позволить и запрещенья не чинить, дабы имянное е. и. ве-ва повеление самым делом исполнено было, и, какая резолюция последует, соблаговолено б было в Главную полицию сообщить, и Канцелярии Академии наук да благоволят учинить о том по е. и. ве-ва указу.

6 апреля 1766 г.

Федор Хрушов. Иван Мочалов.

**Из Канцелярии Академии наук
в Главную полицеймейстерскую канцелярию**

Промемория

По требованию оной канцелярии, ведомства академического наборщика Константин Борисов с товарищи для представления публичных комедий в свободное от работ время, как то в воскресенье и праздничные дни, уволены, и типографским факторам приказано в том запрещение им не чинить.

8 апреля 1766 г.

Тауберт.

В должности факторской наборщику Петру Сидорову.

Сего числа присланною из Главной полицеймейстерской канцелярии промеморию объявлено, что, по силе именного ея императорского величества указу, для народного увеселения быть в Санктпетербурге публичным комедиям на Адмиралтейской части, и для производства тех комедий в главной полиции явился ведомства Канцелярии Академии наук наборщик Константин Борисов с товарищи, представляя, что они в свободные дни те комедии производить желают, — того ради оного Борисова с товарищи для производства тех комедий в свободное от работ, как то воскресные и праздничные дни, отпустить и в том им запрещенья не чинить.

8 апреля 1766 г.

Тауберт.

С таким же содержанием ордер послан фактору Лыкову.²⁰

Из этих документов явствует, что Борисов ввиду приближавшей пасхальной недели (в 1766 году она начиналась с 23 апреля) как медиатор стал заранее, еще 6 апреля, готовиться ко второму сезону. Можно думать, что полиция начала переписку с Академией наук по этому вопросу, основываясь на неотменном распоряжении от прошлого 1765 года. Однако никаких следов второго сезона «Всенародного театра» еще не об-

²⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, д. 296, лл. 256—259.

наружено. Возможно, Екатерина не дала согласия на продолжение деятельности театра академических наборщиков. Поэтому и Штелин хранит безмолвие об этом.

На естественный вопрос, что же было в дальнейшем с А. Севериковым и К. Борисовым, можно точно ответить, опираясь на документы. А. Севериков года через два по состоянию здоровья оставил наборное художество и поступил в «копейцы» или писцы Академической канцелярии, но мало интересовался своей новой службой, был уволен и перешел в канцелярию Монетного двора. В 1774 году Севериков еще вносил «пожилое», т. е. квартирную плату в кассу Академии наук.

К. Борисов в апреле 1768 года утонул в С.-Петербурге.

В 1773 году императрица вспомнила о «Всенародном театре» и указом от 9 июня предписала: «... в здешнем городе <Петербурге> сделать публичное комедиальное зрелище, как оное прежде было, которое и производить на построенном для карусели месте и для представлений оных построить театр и комедиантов нанять. И на все то, равно же, если потребна будет в карусели починка, то и на починку деньги держать из наличных в полиции, подлежащих до статс-конторы доходов».²¹

В екатерининском указе обращает на себя внимание формулировка: «комедиантов нанять». Очевидно, заранее считалось вполне реальным найти в среде петербургских мастеровых людей, которые пожелают быть комедиантами.

Впрочем, через десять лет «Устав благочиния или полицейский» от 4 апреля 1782 года предписывал сажать на хлеб и воду за устройство «народных игр, забав и театральных представлений» без надлежащего разрешения (ст. 261, п. 1). Это говорит о том, что Екатерина встретила с затруднениями на пути к задуманному ею руководству русским народным театром, с ним приходилось бороться полицейскими мерами.

---

²¹ ПСЗ, собрание I, т. XIX, № 13993.